

Когда меня накрывает предательской волной ностальгии, я снова вспоминаю отца таким, каким увидела его тем майским вечером много лет назад. Круглое лицо, потемневшее от солнца, одутловатое и печальное. Жидковатые усы цвета жевательного табака; губы, которые со временем истончились, так что линия рта стала похожа на лезвие ножа; бескозырка на голове. Он стоит, сгорбившись, на самом носу своей лодки, пытается распутать сеть, перед тем как забросить ее в море. И молчит. Иногда поворачивается и смотрит на меня. Тонкие губы кривятся в той гримасе осознания и принятия своей участи, что порой отмечает людей определенного возраста. Отец никогда не был особенно болтлив. Выплевывал слова, будто яд, а потом снова прятал их внутри себя. Лодка до сих пор пахнет свежей краской, и название, выведенное блестящей синей эмалью, теперь еще больше бросается в глаза. «До свидания, Чарли» — так он назвал лодку, как фильм с Тони Кёртисом; все говорят, что мой отец ужасно на него похож. Совсем недавно был праздник святого Николая¹, и суда,

¹ Отмечается 9 мая, в день прибытия мощей Николая Мирликийского в город Бари. — *Здесь и далее примеч. пер.*

пришвартованные в порту, все еще убраны лентами и сине-красными гирляндами, а на носках красуются бумажные фонарики и лики святого. Я молча смотрю на отца. Взгляд мой безжалостен. Одной рукой папа держит сеть и тщательно выверенными движениями распутывает ее, в другой руке зажата сигарета. С ее кончика падает пепел, крутится в воздухе, взмывая к небу, подхваченный морским ветром, потом оседает у отцовских ног. Я больше не слышу ни ворчания женщин, которые сидят рядком на пристани и грызут бобы люпина, ни визгливых криков продавца осьминогов, торгующего также моллюсками и пивом с борта трехколесного мопеда. Я вижу только морщинистые руки отца и его холодные светлые глаза, и в груди у меня поднимается тяжелое чувство. Потому что можно ненавидеть Антонио Де Сантиса, можно сотню раз пытаться выкинуть его из памяти, но избавиться от него нельзя.

Небольшой пролог

Я всегда буду помнить тот день, когда бабушка Антониетта наградила меня тем прозвищем. Шел страшный дождь, один из тех ливней, которые случаются лишь несколько раз в году, когда все вокруг дрожит под хлесткими ударами ветра, налетающего с моря и завывающего так, что кровь стынет в жилах. Дорога вдоль набережной превратилась в безбрежную реку. Растения на заброшенных полях и в окрестностях пляжа Торре Кветта бессильно падали на землю, иссеченные хлещущей с неба водой. Стоял апрель. И по словам стариков из нашего района, это была самая дождливая весна за последние тридцать лет.

Несмотря на предупреждения мамы с бабушкой, хорошо понимающих голос ветра, меня так и тянуло на улицу.

— Когда море испускает дьявольский крик, земля переворачивается, — заметила бабушка Антониетта, когда я с независимым видом открыла входную дверь.

Я посмотрела на них обеих, на мать и дочь. Одна собиралась натереть к обеду сыр *пекорино* на *граттароле*², как делала каждый день, другая отрезала большой ломоть хлеба. Я только пожала плечами в ответ и вышла, наплевав на все советы. Мне хотелось увидеть бушующее море вблизи и проверить, сможет ли оно напугать меня. Я бегом преодолела Муралью³, вымощенную белыми камнями, приветливо помахала рукой соседкам, которые замерли у дверей своих домов, напряженно всматриваясь в небеса, словно древние гаруспики⁴. Порывы ветра в волосах и на лице стегали бичом, но я не собиралась возвращаться домой. В два прыжка я преодолела мощные ступени, ведущие от Муральи к набережной, и стремительно бросилась к театру «Маргарита», чтобы поскорее миновать пристань и череду волнорезов. Я хотела увидеть море во всей красе.

Когда я добралась до набережной недалеко от башни Торре Кветта, внутренний голос, шепчущий, что лучше вернуться домой, вдруг зазвучал громче. Я вновь увидела лицо матери, которая отговаривает меня выходить на улицу. В ее глазах светилась мягкая укоризна, голова

² Местное название терки.

³ Городская стена города Бари, раньше окружавшая древнюю крепость. В настоящее время сохранилась только часть, отделяющая старый город от набережной, построенной в 1930-х годах.

⁴ Этруские и древнеримские гадатели по внутренностям жертвенных животных.

покачивалась слева направо, а потом прозвучал обычный упрек: «Бешеная, хуже отца». И я снова увидела бабушку: пусть она и пыталась урезонить меня суровыми словами, но на самом деле была такой же податливой, как и ее дочь. Мягкой даже с виду: невысокая женщина с большой, похожей на пудинг грудью, свисающей до живота.

Я тряхнула головой, не желая, чтобы лица мамы и бабушки помешали мне осуществить задуманное. Надежно придерживая платье, которое доставало мне до икр и казалось неким подобием спасательного круга, я подошла к скалам. Там пенились гигантские волны, обрушивались на камни, на берег, а потом истаивали жидкими клочьями. Горизонт исчез и слился с морем, похожим на огромное чернильное пятно. Завороженная этим величественным зрелищем, я даже не заметила, каким грозным стало небо: оно так потемнело, что казалось — наступила ночь, хотя стоял полдень. Когда начался дождь, уже поздно было бежать под крышу. Очень быстро очертания домов старого Бари размылись, окутанные темным небом. Сильный ветер морщил поверхность моря, срывал с нее туманную морось, сотканную из бахромы белых капелек.

«Что же мне делать?» — спрашивала я себя снова и снова, оглядываясь по сторонам.

Позади высились развалины Торре Кветты, заброшенной башни, которую солдаты во время войны использовали для обнаружения угрозы с моря. Сероватые стены, чахлая редкая

растительность вокруг; створки входной двери примотаны друг к другу ржавой проволокой. Капли уже били меня по голове, словно кусочки свинца.

Выбора нет. Внутри я буду в безопасности.

Я рванула дверь на себя, и она в ответ зловеще закрипела, протестуя против такого обращения. Внутри башни обнаружилось круглое помещение с двумя распахнутыми настежь окнами, из которых отлично просматривалось все побережье. На полу лежал старый матрас, чуть подальше виднелся щербатый алюминиевый тазик с синей каймой по краю. Тогда мне было всего девять, и я понятия не имела, что в Торре Кветте проститутки развлекали клиентов. Поэтому я просто села, надеясь, что владелец матраса не вернется домой прямо сейчас. Я обхватила себя за плечи, дрожа от холода, поскольку вымокла до нитки. Посмотрела на свои ноги в деревянных сабо: черные от грязи пальцы, кожа блестит от дождя и потому кажется еще более смуглой, чем обычно. Сердце колотилось в груди, мне было очень страшно, но я бы ни за что не призналась в этом.

Не знаю, в котором часу я пришла домой. Небо снова прояснилось, ветер утих. С моря несло вонюю гниющих водорослей, но стоило выйти к Муралье, как сразу повеяло ароматом соуса с базиликом и жареным мясом. Далеко на горизонте все еще можно было увидеть остатки потрепанных облаков, похожих на комки пуха. Удовольствие от собственной храбрости и успешно

завершившегося приключения у Торре Кветты вскоре сменилось страхом. Что скажет отец о моем необдуманном поступке? Долго ли будет кричать на этот раз? Я словно увидела перед собой его светлые глаза, горящие гневом, и крепко сжатые челюсти, и эта картина напугала меня куда сильнее, чем только что пронесшаяся буря. Ноги вдруг отяжелели, ступни стало трудно оторвать от земли. Даже голова казалась слишком массивной для моего хрупкого девчачьего тела; болталась, как яйцо, балансирующее на щепке.

Из окна со мной поздоровалась тетушка Анджелина, вытряхивавшая скатерть.

— Мари⁵, что с тобой? Мари, ты упала в море? — взволнованно спросила она.

Я кивнула ей, но не захотела отвечать. Чуть дальше стояли в дверях мама с бабушкой, ждали меня. Первая была расстроенной и бледной, как полотно, брошенное в стирку. Вторая, пухленькая и согбенная, не знала, что сказать, каждую секунду ощущая в сердце занозу, которая засела там с первого моего дня на этом свете. Бабушка и подумать не могла, что у нее вырастет такая бесшабашная и во всем неправильная внучка.

А ведь обычно бабушка за словом в карман не лезла и бесконечно рассказывала о тысяче вещей, которые делала весь день и которые собиралась делать завтра. Дедушка, мир его

⁵ В южных диалектах сокращенную форму имени образуют отсечением последних слогов, и ударение тогда падает на последнюю гласную.

душе, когда-то взявший в жены неискушенную в хозяйстве девственницу, день за днем наблюдал, как она становится увереннее и превращается в настоящую матрону, способную управлять домом.

Теперь, стоя в дверях, будто скорбящая Богоматерь, бабушка, казалось, ждала, пока ее дочь кивнет, даст сигнал, что уже можно начинать меня отчитывать. Но сигнала так и не последовало, потому что мама знала: любое лишнее слово заставит отца вспыхнуть от гнева, как полено в очаге.

Когда я добралась до них, сердце у меня грохотало, словно барабан, и мне чудилось, что мама с бабушкой могут слышать его стук так же отчетливо, как и я. Поэтому оставалось только изобразить безразличие. Я стыдилась своего вида: облепившее тело мокрое платье на пару размеров больше, чем нужно, — мама специально шила мне одежду на вырост, — ноги скользят в мокрых сабо. Болел живот, меня тошнило, голова кружилась на каждом шагу, и перед глазами все плыло. В ушах шумело, словно там раздавалось эхо гудения сотни пчел. Я остановилась на секунду, глянула сначала на маму, потом на бабушку. Мама, хотя на сердце у нее было тяжело, не проронила ни звука. Ядовитые слова так и вертелись у нее на языке, но наружу не вырвалось ни одно.

Бабушка Антониетта наклонилась ко мне, будто хотела ударить, но ее пухлая рука просто зависла в воздухе. Именно тогда — как она

объяснила мне позже — бабушка и заметила тот странный свет в моих черных как смоль глазах.

— У тебя холодная кровь, как у ящерицы, — произнесла она хриплым голосом. — Да что говорить, у тебя и нет ее, крови той, прямо как у каракатицы. Ты Малакарне, дурное семя; как есть Малакарне. — Она решила повторить словечко дважды, второй раз обращаясь больше к самой себе.

Мама кивнула, словно тоже так думала, просто не набралась смелости сказать вслух.

— Малакарне, — только и прошептала она, когда я решилась наконец пройти под аркой их поднятых рук и перешагнуть порог.

Я думала, что сердце разорвется. На меня со всех сторон словно сыпались удары. Возникло ощущение, что даже кухня изменилась, она без конца сжималась вокруг меня, будто готовясь раздавить в лепешку. Папа и два моих брата, Джузеппе и Винченцо, ели пасту с зеленой фасолью, обильно посыпанную *пекорино*. Только Джузеппе повернулся ко мне.

— Ой, — сказал он, — ты вернулась.

Даже сейчас я думаю, что Джузеппе всегда был лучшим из нас. Тогда ему исполнилось шестнадцать, и он вырос как-то вдруг, неожиданно, прямо как дети из сказок, взрослеющие за одну ночь.

Именно в ту минуту ко мне повернулся и папа. Взгляд колючий, губы сжаты. Я замерла в центре кухни. Винченцо тоже застыл, даже жевать

перестал. Джузеппе отложил вилку еще раньше. Может быть, само время остановилось. Соус тетушки Анджелины больше не булькал в кастрюле, птицы не щебетали. Мир ждал.

«Сейчас он взорвется, сейчас он взорвется», — повторяла я про себя.

Отец даже не встал со стула, просто слегка отодвинулся от стола вместе с ним. Одна рука на бедре, в другой — бокал *примитиво*⁶; вино настолько густое, что буквально прилипает к мутному стеклу. Он поднял бокал, словно хотел произнести тост. Я закрыла глаза и глубоко вздохнула.

«Скоро все кончится», — попыталась я мысленно подбодрить себя.

— За Малакарне, — сказал папа, — за дурное семя. — А потом посмотрел на мальчиков и подождал, пока они поднимут свои бокалы.

Когда я открыла глаза, все трое смотрели на меня: Винченцо с хитрой ухмылочкой, такой же паршивой, как и он сам; Джузеппе с искренней улыбкой, благодаря которой в него влюблялись все девушки, жившие по соседству с нами.

Он тоже смотрел на меня, мой отец. Смотрел и смеялся, и этот эпизод приобрел в моих воспоминаниях невинный привкус чуда.

⁶ Вино из одноименного сорта винограда, символ Апулии.

Маленький мир

1

Меня зовут Мария. Мария Де Сантис. Я родилась мелкой и темной, как сушеная слива. Чем дальше, тем заметнее проступали мои дикарские черты, и с годами я стала совсем не похожа на соседских девчонок — уж не знаю, к добру или к худу.

У меня были огромный рот и глаза с восточным разрезом, сверкающие, как два алмаза. Длинные неуклюжие руки я унаследовала от деда по папиной линии; вспышки злости и нахальство перешли ко мне прямым от отца, рыбака Антонио. Человек холодный и грубый, он иногда вел себя так, словно нас и не было рядом: просто сидел, уставившись в стену или в тарелку, а порой казалось, что лишь через злобу он способен выразить всю ту боль, которую ему причиняет жизнь. Его жестокость отзывалась в нас с той же силой, с какой знойным летом тишину окрестностей сотрясает оглушительная какофония цикад. Лето в старом Бари проходило среди мощенных белым камнем переулков,

преследующих друг друга в вавилонском столпотворении запутанной застройки; среди запаха чистых простыней, сохнувших на стальной проволоке, и ароматов соусов с кусочками телятины, часами кипящих на огне. Тут прошли мои детство и юность. Не припомню ни дня, показавшегося мне ужасным или печальным, хотя уродство и боль окружали меня повсюду. Их можно было услышать в советах тетушек-соседок: «Не подходи к морю во время прилива, а то оно тебя унесет», «Ешь овощи, а иначе заболеешь цингой и умрешь»; в наставлениях бабушки Антониетты: «Молись каждый вечер, или отправишься в ад», «Не ври, или не вырастешь»; в словах мамы: «Если будешь думать обо всяких глупостях, Иисус узнает и отрежет тебе язык, даже пикнуть не успеешь». Уродство проступало и в облике некоторых наших соседок, как, например, тетушки Наннины, которую все называли Кобылой: ее вытянутое большеротое лицо очень напоминало лошадиную морду, что отнюдь не красит женщину. К тому же глаза у нее были холодными, тусклыми и до того невыразительными, что скорее походили на два мутных шарика. Она жила рядом с нами, и это уродливое лошадиное лицо я видела каждый раз, когда выходила на улицу: Наннина целыми днями сидела у двери в соломенном кресле, не обращая внимания ни на жару, ни на холод.

Уродство блестело и на хитиновых панцирях тараканов, разгуливающих по полу в подвале,